

Воспроизвести невоспроизводимое

Продолжение разговора о непереводимости

Д.М. Бузаджи

В одной из наших статей¹ мы выдвинули гипотезу о том, что переводимость (и, соответственно, непереводимость) текста – показатель переменный и что он зависит от характера коммуникативно релевантной информации (КРИ) в тексте оригинала (ТО). Текст становится менее переводимым, если на роль КРИ претендуют слишком многие разноплановые явления или если КРИ невозможно вычленишь вообще или отобрать ее с учетом предполагаемых реципиентов перевода.

В этой статье мы покажем, как характер КРИ влияет на переводимость конкретного фрагмента текста, еще раз проанализируем взаимосвязь представления о переводимости с рабочим определением того, что такое перевод, и выдвинем гипотезу о том, как разные типы текстов отличаются друг от друга с точки зрения потенциальной переводимости.

В настоящий момент мы также проводим эксперимент, связанный с проблемой переводимости, о результатах которого мы постараемся рассказать

в следующей публикации. Там же мы подытожим некоторые соображения, высказанные в настоящей статье.

Д. Спербер и Д. Уилсон делают важное для нашей концепции замечание: «Разграничение сильных и слабых импликатур позволяет пролить свет на многообразие тех путей, которыми высказывания обретают релевантность. Некоторые высказывания (например, инструкции) обладают релевантностью благодаря тому, что передают несколько сильных импликатур. Другие релевантны потому, что в слабой форме предлагают широкий спектр возможных имплицитных умозаключений, каждое из которых является слабой импликатурой. Это характерно для использования языка в поэтической функции»².

Если воспользоваться этой терминологией, переводимость снижает либо наличие слишком большого количества

¹ Бузаджи Д.М., Ковальчук А.В. Сущность, причины и виды непереводимости // Мосты. Журнал переводчиков. 2016. № 1(49). С. 58–70.

² D. Wilson, D. Sperber, "Relevance Theory" in Blackwell's Handbook of Pragmatics (ed. L. Horn and G. Ward; Oxford: Blackwell Publishing, 2004) 607–32. (p. 621) Здесь и далее перевод цитат мой – Д.Б.

сильных импликатур сразу, либо слишком большое количество, неопределенность и однородность слабых импликатур. В понимании импликатур авторы следуют за Г.П. Грайсом. Напомним, что тот, в свою очередь, импликатурой называл то, что имплицуруется, подразумевается, может быть выведено реципиентом текста из произнесенных слов и выражений³. То есть, уточняют Спербер и Уилсон, это дополнительные допущения⁴ и выводы, которые достраиваются ради соблюдения принципа кооперации⁵.

На наш взгляд, дальнейшая разработка вопроса могла бы быть связана с тем, чтобы проанализировать более или менее передаваемые явления в привычных, часто становящихся объектами перевода текстах и определить критерии, по которым тот или иной текст можно априори считать более или менее переводимым.

Чтобы продвинуться в этом направлении, мы в этой статье проанализируем отрывок из нашего перевода рассказа «В день смерти Э.М. Форстера» английской писательницы А. Байетт, выполненный для сборника «Призраки и художники»⁶. Наша задача состоит в том, чтобы показать, во-первых, работу с разными видами КРИ, а во-вторых, проследить связь релевантности с объективностью принятия переводческих решений.

Разбираемый в статье отрывок представляет собой один абзац. «Она» – главная героиня рассказа, писательница по имени миссис Смит, которая в день описываемых событий и чуть ранее по тексту решила впервые написать роман и почувствовала необыкновенный прилив творческих сил.

She went up and down Jermyn Street, through the dark doorway, the windowed umber quiet of St James's Piccadilly, out into the bright churchyard with its lettered stones smoothed and erased by the passage of feet. Along Piccadilly, past Fortnum and Mason's, more windows full of decorous conspicuous consumption, down an arcade bright with windowed riches like Aladdin's cave, out into Jermyn Street again. Everything was transformed. Everything was hers, by which phrase she meant, thinking fast in orderly language, that at that time she felt no doubt about being able to translate everything she saw into words, her own words, English words, English words in 1970, with their limited and meaningful and endlessly rich histories, theirs as hers was hers. This was not the same as Adam in Eden naming things, making nouns. It was not that she said nakedly as though for the first time, tree, stone, grass, sky, nor even, more particularly, omnibus, gas-lamp, culottes. It was mostly adjectives. Elephantine bark, eau-de-nil paint on Fortnum's walls, Nile-water green, a colour fashionable from Nelson's victories at the time when this street was formed, a colour for old drawing-rooms or, she noted in the chemist's window, for a new eyeshadow, Jeepers Peepers, Occidental Jade, what nonsense, what vitality, how lovely to know. Naming with nouns, she thought absurdly, is the language of poetry, There is a Tree, of many One. The Rainbow comes and goes. And Lovely is the Rose. Adjectives go with the particularity of long novels. They limit nouns. And at the same time give them energy. Dickens is full of them. And Balzac. And Proust

³ См. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс. 1985. – 500 с.

⁴ Понятие «допущение» (assumption) исследователи используют в значении «мысль, идея».

⁵ D. Sperber, D. Wilson. Relevance: communication and cognition. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – P. 35.

⁶ Байетт А.С. Призраки и художники: рассказы. – М.: Иностранка, Азбука-Аттикус. 2017. – 384 с.

Теоретические основы

Она прогулялась по Джермин-стрит – сперва в одну сторону, потом в другую; сквозь сумрачный портал вступила в рассеченную окнами шоколадно-коричневую тишину Святого Иакова; вновь оказалась на залитом солнцем церковном дворе (поток людских ног выгладил и обезличил его могильные плиты). Прошла по Пикадилли, мимо «Фортнума и Мейсона», мимо показной роскоши в благопристойных витринах. Свернула в пассаж – пещеру Аладдина с блистающими за стеклом сокровищами. И вновь попала на Джермин-стрит. Всё переменялось. Всё принадлежало ей. То есть – тщательно выбирая выражения, мгновенно истолковала эту мысль она – пришла полная уверенность, что теперь она может всё увиденное перевести в слова, свои собственные слова, английские слова, английские слова одна тысяча девятьсот семидесятого года – каждое со своим значением, и своими границами, и своей бесконечно богатой историей, такой же индивидуальной, как жизненный опыт миссис Смит. Нет, она не была как Адам, который в райском саду нарекает имена всему сущему, придумывает существительные. (Не то чтобы она отрешенно, словно впервые в жизни, произносила: «дерево», «камень», «трава», «небо» или хотя бы такие частности, как «омнибус», «газовый фонарь», «кюлоты».) В основном ей на ум приходили прилагательные. Узловатая кора, о-де-нильский фасад «Фортнума»... Eau-de-nil – салатный оттенок цвета нильской воды, модный в эпоху нельсоновских побед, когда Пикадилли обретала нынешний вид. Цвет викторианских гостиных, а также – если судить по витрине косметического магазина – ещё и новых теней для глаз: «Глазки-сказки», «Западный нефрит» – какой вздор, сколько энтузиазма! Чудесно. Существительные, пришла ей в голову диковатая мысль, – слова поэтические. Вот как у Вордсворта: «Суда в порту, театры, башни, храмы, река в сверканье этой мирной рамы...» А романам с их частностями приличествуют прилагательные. Они ограничивают существительные. Но в то же время придают им сил. У Диккенса одни сплошные прилагательные. И у Бальзака. И у Пруста.

Анализируя разнообразную КРИ, мы воспользуемся классификацией видов информации, которой мы придерживались в статье «Векторы смысла»⁷, и разделим ее на ситуативную, экспрессивно-оценочную, стилевую и ассоциативно-образную, но при необходимости введем и более тонкие разграничения. То есть в рамках нашего исследования мы будем считать, что эта классификация является дополнительной по отношению к разделению информации на релевантную и нерелевантную; как если бы, например, классификацию открытий по степени научной значимости дополнили классификацией по областям знания, к которым относятся те или иные открытия.

⁷ Бузаджи Д.М. Векторы смысла. О функциональном подходе к переводу // Мосты. Журнал переводчиков. 2008. № 3 (19). С. 43–59.

Выдвинем предположение (вряд ли, впрочем, способное вызвать у кого-либо серьезные возражения), что самый благоприятный для перевода, самый «передаваемый» вид КРИ – информация ситуативная, не отягощенная другими релевантными смыслами. В этом случае, который удобнее всего описывается ситуативной моделью перевода⁸, мы имеем указание на предметную ситуацию, денотат, удобно и четко противопоставленный речевым средствам, знакам.

С такой информацией обычно имеют дело устные переводчики, и, несмотря на чрезвычайно стесненные условия работы, отлично справляются. Неслучайно при последовательном переводе с успехом применяется переводческая скоро-

⁸ См., например: Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: ЭТС. – 2002. – С. 153.

пись, которая фиксирует почти исключительно ситуативную информацию в крайне девербализированной форме⁹.

Взять, к примеру, начало первого предложения, “She went up and down Jermyn Street”. Услышав его, устный последовательный переводчик мог бы записать что-то вроде:

The image shows a handwritten note on a light background. On the left, the word "She" is written in a dark, cursive-like font. A double-headed arrow points from "She" to the right, where the words "Jermyn S" are written in a similar dark, cursive-like font. The "S" at the end of "Jermyn S" is notably larger and more stylized than the other letters.

Кто? Что сделал? Где? Выразить это на другом языке без потерь нетрудно, остальная информация, содержащаяся в оригинальном высказывании, очевидно нерелевантна и на место в тексте перевода (ТП) не претендует.

Выбор слова «прогулялась», выражение «сперва в одну сторону, потом в другую», его расположение после указания на улицу и т.п. – исключительно на совести переводчика, который, как бы восстанавливая текст по скорописной записи, решил, что так – с учетом общего стиля произведения – будет лучше. Конечно, у переводчика могут и должны быть аргументы в пользу тех или других вариантов, отличные от «я так чувствую», но важно, что в данном случае, что бы переводчик ни предложил – в разумных, разумеется, пределах, – на передаче КРИ это не отразится.

Ситуация становится гораздо сложнее во фрагменте “windowed umber quiet (of St James’s Piccadilly)”, что дословно означает «наделенная окнами умбристая тишина (Святого Иакова Пикадилли)». Из ситуативной информации однознач-

⁹ См., например: J-F. Rozan. La Prise de notes en interprétation consécutive. – Genève : Librairie de l’Université, 1959. – P. 14; Зубанова И.В. Скоропись в последовательном переводе. – М.: Р.Валент. 2012. – С. 23.

но релевантно тут только указание на церковь. Что в церкви тихо, и так можно предположить; что там есть окна, с логической точки зрения явная избыточность, которая релевантной в силу самоочевидности быть не должна. Цвет тоже вполне характерный для внутренности церквей.

Д. Спербер и Д. Уилсон отмечают:

«Существует три типа случаев, в которых допущение может не иметь контекстуальных эффектов и быть нерелевантным в некотором контексте... Во втором... данное допущение уже имеется в контексте, и оно не усиливается с помощью вновь представленной информации; эта вновь представленная информация является таким образом совершенно неинформативной и нерелевантной»¹⁰.

И все же в переводе мы не ограничились сухим «зашла в церковь Святого Иакова», поскольку усмотрели в оригинале другую КРИ. Как переводчик вообще замечает КРИ, особенно если это не ситуативная информация вроде той, что описана выше? Согласно Р. Якобсону, языки отличаются друг от друга не тем, что в них может быть выражено, а тем, что в них обязательно должно быть выражено¹¹. Если переводчик понимает, что носитель английского, описывая ситуацию прихода в церковь, не обязан по законам языка сообщать ряд само собой разумеющихся фактов о ней, стало быть, он делает это намеренно. И если отбросить мысль о том, что автор совершает речевые ошибки, то следует сделать вывод, что перед нами релевантная инфор-

¹⁰ Шпербер Д., Уилсон Д. Релевантность // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XXIII. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА. – М.: Прогресс, 1988, 212–233 (<http://www.classes.ru/grammar/164.new-in-linguistics-23/source/worddocuments/15.htm>)

¹¹ Якобсон Р.О. Взгляды Боаса на грамматическое значение. – Избранные работы. Составление и общая ред. В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 1985. – С. 231–239.

Теоретические основы

мация, но уже не чисто ситуативного порядка.

Можно сказать, что подобная избыточность, несоответствие с тем, что можно было бы ожидать в данном контексте, – это «остенсивный стимул»¹², обозначающий релевантную для получателя информацию:

Использование остенсивного стимула создает ПРЕЗУМПИЮ ОПТИМАЛЬНОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ. Понятие оптимальной релевантности раскрывает, на что аудитория остенсивной коммуникации имеет право рассчитывать с точки зрения усилий и эффекта:

<...>

а. Остенсивный стимул достаточно релевантен, чтобы аудитории стоило затрачивать усилия на его обработку.

б. Этот стимул – самый релевантный из тех, что совместим с возможностями и предпочтениями коммуникатора¹³.

В силу определенных соображений контекстуального и лингвистического характера, приводить которые здесь мы не будем в целях экономии места, переводчик пришел к выводу, что цель этих дополнительных сведений, если считать их релевантными, – «показать картинку» и создать своего рода торжественность, то есть мы имеем дело со стилиевой и экспрессивно-оценочной информацией. В результате переводчик пришел к варианту «рассеченная окнами шоколадно-коричневая тишина».

Хотя в русском языке существует слово «умбристый», сочетание «умбристая тишина» показалось чересчур экзотическим и затрудняющим воспроиз-

ведение неситуативной КРИ, поэтому потенциальная отсылка к умбре, глине, Умбрии и т.д. пропала. Переводчик счел, что эти ситуативные семы менее релевантны, чем вышеописанные стилиевые, а потому сделал выбор в пользу этой потери (рискуя навлечь на себя критику сторонников буквалистического подхода к переводу).

На этом простом и не особенно выдающемся примере видно, как появление в тексте неситуативной КРИ неизбежно снижает степень переводимости текста. Переводчику приходится делать осознанный выбор между тем, что должно попасть в ТП, и тем, что придется отбросить. Причем отбрасываемое – это уже не просто «техническая» информация о том, например, какими средствами в исходном языке (ИЯ) выражена идея ходьбы по улице, а вполне конкретные и осязаемые смыслы.

Снижается степень переводимости, и одновременно расширяются границы переводческой ответственности и творческой свободы (или, на чей-то взгляд, произвола). Причем это было бы верно даже в том случае, если бы переводчик написал что-то про «обоконенный умбристый покой». Просто в этом случае он принес бы в жертву другое, скажем тот факт, что ТО обладает стилиевой целостностью и соответствует узусу ИЯ.

Тут будет уместно сделать важную методологическую оговорку. Когда мы говорим, что в переводе можно что-то «передать», «сохранить» и т.п., мы в известном смысле просто пользуемся устоявшимися клише, базирующимися на концептуальной метафоре: перевод как перенос, как перемещение чего-то из одного места в другое. Но метафоры, как известно, не обладают научной достоверностью. Верно схватывая какие-то

¹² Так слово *ostensive* передано в прецедентном для нас переводе из сборника «Новое в зарубежной лингвистике». Но можно сказать проще: явный, наглядный, очевидный стимул.

¹³ D. Wilson, D. Sperber. *Relevance Theory* // Blackwell's Handbook of Pragmatics / ed. by L. Horn and G. Ward. – Oxford: Blackwell Publishing, 2004 – P. 612.

качества предметов и явлений, они обязательно соответствуют истине в остальном.

«Благодаря метафоре “перемещения через границу”, – пишет Дэвид Беллос, – на свет появилось множество слов, мыслей, расхожих выражений и штампов, которые, возможно, к реальной жизни имеют отношения не больше, чем представление о том, что перевод “передает значение” из пункта А в пункт Б. Появилась бы у нас в голове идея “языкового барьера”, если бы слово “переводчик” не означало бы что-то вроде перевозчика? Стали бы мы задаваться вопросом о том, что именно переводчик “переносит” через “языковой барьер”, если бы переводчик назывался “словокрутом”, “языковщиком” или “обменщиком”? Может быть, и нет. Привычная терминология переводоведения – это развитие метафоры, заложенной во внутренней форме самого слова “перевод”»¹⁴.

Мы не призываем отказаться от слов «перевод», «передача» и т.п. Но важно понимать, что, по сути дела, перевод – это не извлечение чего-то откуда-то и перенос куда-то, а создание ТП переводчиком под влиянием определенных идей (смыслов, допущений, сем и т.п. – смотря в какой парадигме смотреть), которые возникают в сознании реципиента при чтении или прослушивании ТО (разумеется, не только целого, но и отдельных фрагментов, с которыми в тот или иной момент времени работает переводчик). И с этой точки зрения условный буквалистический перевод – это не нечто «переданное в первоизданном виде» (потому что речевые средства ТО так и остались в ТО, никуда не переместившись), а, как

ни крути, сочиненный переводчиком текст. Вопрос только в том, какие именно идеи ТО принял в расчет переводчик, сочиняя этот текст, и почему именно эти, и, если он, скажем, пожертвовал узусом, то чего ради.

Далее рассмотрим соответствие *Jeepers Peepers* – «Глазки-сказки». Марка эта вполне реальная; косметику с таким названием производила фирма британского модельера Мэри Куант. В тексте с доминирующей информативной функцией передавать это словосочетание следовало бы как «Джиперз Пиперз». Но здесь, где важна эстетическая функция, на верхнюю ступень релевантности начинает претендовать другая информация, ассоциативная и экспрессивная: не звуковая оболочка (точно указывающая на товарный знак), а метонимическая мотивировка названия.

Это обусловлено как узким контекстом (иначе как понять, к чему относятся «вздор» и «энтузиазм?»), так и более широким. Когда человек проникся осознанием своего языкового могущества, когда он ходит и наслаждается точностью приходящих ему на ум существительных и прилагательных, когда он почувствовал себя хозяином слов, трудно представить в этом ряду непонятное и несуразное «Джиперз Пиперз». Покажется, что в этом месте «нашла коса на камень», а ничего подобного в ТО нет.

Итак, ситуативной информацией пришлось пожертвовать, и знакомый с тогдашней британской индустрией моды читатель перевода уже вряд ли догадается, о каких конкретно тенях шла речь. Не были переданы уже не просто отголоски, намеки (на Умбрию и т.п.), но вполне ясное указание на товарный знак. На место в ТП претендовало слишком много КРИ, и часть ее осталась переданной.

¹⁴ D. Bellos. Is that a fish in your ear?: translation and the meaning of everything. – New York: Faber and Faber, Inc. – 2011. – P. 33.

Теоретические основы

Для абсолютного большинства читателей настоящего рассказа в русском переводе эта степень непереводимости не будет существенна. Однако историк моды, занимающийся творчеством Мэри Куант, уже не сможет процитировать наш перевод в своей монографии без оговорок, потому что того, что нужно ему, в нем нет.

В самом первом примере про Джермин-стрит денотат был однозначно важнее знака. Здесь же денотат (реальные тени конкретной марки) уже не так важен, зато вдруг дополнительную значимость приобретает сам знак, вызывающий дополнительные ассоциации и даже приглашающий читателя к метаязыковому анализу (как именно маркетологи назвали эти тени).

Впрочем, можно посмотреть на этот пример и под другим углом зрения. Если предположить, что указание на товарный знак в контексте этого рассказа вообще нерелевантно, то мы не жертвовали никакой КРИ, а обеспечили полную переводимость. В монографии же об истории моды релевантна будет другая информация, поэтому там понадобится другой перевод этого фрагмента.

Перейдем к последнему фрагменту, проанализировать который у нас хватит времени в этой статье. “Naming with nouns, she thought absurdly, is the language of poetry, There is a Tree, of many One. The Rainbow comes and goes. And Lovely is the Rose” было передано так: «Существительные, – пришла ей в голову диковатая мысль, – слова поэтические. Вот как у Вордсворта: “Суда в порту, театры, башни, храмы, река в сверканье этой мирной рамы...”».

Там, где в английском появляются «лишние» заглавные буквы, автор произвольно цитирует оду Уильяма Вордсворта “Intimations of Immortality

from Recollections of Early Childhood”. В начале второй строфы читаем: “The Rainbow comes and goes,/ And Lovely is the Rose”. А в четвертой строфе есть строка: “But there’s a tree, of many, one”.

Насколько можно судить, ситуативный компонент этих слов релевантностью не обладает. Или, для того чтобы от обработки этой информации в сознании реципиента возник какой-то контекстуальный эффект, придется затратить слишком много усилий. Зато очевидно релевантны две вещи: во-первых, что это поэзия, и во-вторых, что значительную роль в этих строках играют существительные. Иными словами, релевантными оказываются ассоциативный и стилевой (метаязыковой) виды информации.

Д. Беллос рассуждает о похожем эпизоде из фильма «Большой побег»: сбегавший из фашистского плена шотландский летчик выдает себя за француза, но по-французски не говорит и помалкивает, а когда заподозривший неладное полицейский переходит с французского на английский и говорит “Good luck!”, летчик автоматически отвечает “Thank you”, чем себя и раскрывает.

«Необходимо добавить другой слой или канал связи, – пишет Беллос, – например, субтитр. С помощью этого дополнительного потока можно будет дать металингвистическое описание высказывания, такое как “Немецкий полицейский говорит по-английски” или “Представитель власти использует родной язык беглеца, и тот совершает оплошность, отвечая на том же языке”»¹⁵.

Мы бы не стали торопиться с выводами о субтитрах. В конце концов, отобразить эту метаязыковую информацию

¹⁵ D. Bellos. Is that a fish in your ear?: translation and the meaning of everything. – New York: Faber and Faber, Inc. – 2011. – P. 71.

можно было бы, вложив в уста немца какую-нибудь узнаваемую для иностранца английскую (или хотя бы просто звучащую на английский манер) фразу (необязательно “Good luck!”). Верно одно: когда КРИ становится слишком много, может возникнуть потребность в «дополнительном канале», таком как субтитр или сноска, но наличие которого зачастую либо невозможно, либо губительно для основного канала.

Вернемся к примеру из Байетт. Русские переводы стихотворения, которые удалось обнаружить, отличались довольно низким качеством, и заимствовать фрагменты оттуда было невозможно: непонятно было бы, почему героине пришли на ум настолько бездарные строки. В итоге мы вставили в перевод рассказа две строки из вордсвортовского «Сонета, написанного на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года» в переводе В. Левика. Что это цитата из добротного поэтического произведения, не вызывает сомнений. Роль существительных в ней еще очевиднее, чем в тех строках, что вспомнились миссис Смит. Наконец, переводчик на всякий случай вставил в текст прямое указание на поэта. Если оригинал содержал в качестве слабой имплицатуры указание на Вордсворта, то в переводе без этой экспликации она бы, скорее всего, исчезла (все-таки глава «озерной школы» знаком своим соотечественникам на английском языке лучше, чем русскоязычной аудитории в русском переводе).

Итак, пройдемся по «переводческому произволу». Вордсворта из сильной имплицатуры превратили в экспликутуру. Цитируемый стих заменили на другой, сходный с оригиналом своей поэтичностью и большим количеством существительных. При этом указание на дерево, розу, радугу и тоску по утраченному

детству пропали, зато появилась слабая имплицатура Лондона (не присутствовавшая в ТО, но вписывающаяся в его логику). Что пропало указание на дерево, отчасти досадно, поскольку пропадает связь с употреблением этого слова выше по тексту. И все-таки такая связь не представляется для данного контекста достаточно релевантной, чтобы сохранять ее за счет другой информации¹⁶.

Таким образом, вновь наблюдается тенденция: когда в ТО возрастает количество разнородной КРИ, выражаемой одними и теми же языковыми средствами (в нашем случае за одним фрагментом стоит и указание на сюжет стихотворения, и поэтический стиль, и конкретный автор, и информация о важном в данном случае грамматическом феномене), переводчик вынужден решительнее отфильтровывать менее значимую КРИ ради сохранения более значимой.

Дэвид Беллос несколько категорично пишет: «Заявлять, что что-то выражено языком, – значит утверждать, что – при наличии соответствующих знаний – это что-то можно перевести»¹⁷. Оптимизм по поводу возможностей перевода нам импонирует гораздо больше, чем стремление всюду видеть непереводаемость, однако представляется, что говорить о принципиальной переводимости, любых текстов на понятном человеку языке было бы неверно.

Разумеется, все зависит от того, что считать переводом. Мы исходим из на-

¹⁶ Можно сказать, что она не входит в образно-ассоциативную составляющую текста (См.: Псурцев Д.В. Смыслоформирование художественного текста: теоретические основания лингвостилистического подхода. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: 2009).

¹⁷ D. Bellos. Is that a fish in your ear?: translation and the meaning of everything. – New York: Faber and Faber, Inc. – 2011. – P. 153.

Теоретические основы

шего определения, согласно которому перевод – это текст на переводящем языке (ПЯ), призванный воспроизвести максимум КРИ, содержащейся в тексте на исходном языке, с учетом ее относительной коммуникативной ценности. При этом любые опущения и добавления КРИ могут быть только вынужденными, то есть продиктованными необходимостью воспроизвести максимум КРИ оригинала.

Добавим еще одно ограничение: функциональный рисунок и общий способ представления КРИ в ТП не могут быть принципиально иными по сравнению с ТО.

«Любая мысль, которая может прийти в голову человеку, – говорит философ Джеррольд Катц, – может быть выражена неким предложением любого естественного языка; а все, что может быть выражено на одном языке, может быть выражено и на другом. Что не может быть выражено на каком-либо естественном языке, лежит за пределами области перевода и, на взгляд Катца, вообще за пределами области языка», – пишет Беллос¹⁸.

Однако при таком подходе мы как минимум убираем из определения перевода критерии подобия функционального рисунка и способа представления информации.

Возьмем известный лозунг “Don’t Mess with Texas”, который был придуман в середине 80-х, чтобы призвать техасцев (главным образом молодых мужчин) не сорить на дорогах, и завоевал невероятную популярность, став своего рода визитной карточкой и девизом штата. Предположим, что этот лозунг – законченный текст, и мы его должны перевести, например, для русскоязычной версии сайта техасского транспортного

ведомства. Если исходить из концепции, согласно которой все выразимое абсолютно переводимо, мы получим что-то вроде: «Не сорите в Техасе/Не связывайтесь с Техасом». В оригинале использована игра слов: *mess* как “мусорить” и *mess* как “мешать кому-то, приставать к кому-то”. В итоге призыв к соблюдению чистоты одновременно звучит как шутивное предостережение тем, кто рискнет связаться с Техасом, что апеллирует к чувству местного патриотизма».

Пожалуй, вся важная КРИ действительно передана, однако получившийся перевод не может функционировать как лозунг, а вместо имплицитной подачи информации имеет место эксплицитная. Если в ТО двойное прочтение еще надо было «разгадать», получив от этого определенное интеллектуальное удовольствие, то в ТП все «разжевано» и расставлено по полочкам. Если прибегнуть к сравнению, то можно сказать, что вместо репродукции картинки с объемным объектом нам предложили несколько двухмерных чертежей: информацию об объекте мы получили, но это уже совсем другое визуальное произведение.

Интуитивно мы понимаем, что варианты перевода следует искать иным способом, то есть постараться сохранить КРИ, при этом не жертвуя функциональным рисунком лозунга и не допуская тотальной экспликации.

Участники давнишней дискуссии на сайте ProZ.com предложили несколько вариантов, в том числе:

1. Сорить в Техасе – себе дороже!
2. Ох не сори в Техасе – тебе же и врежут!
3. С Техасом шутки плохи!
4. Не связывайся с Техасом!
5. Не дразни Техас!
6. Сохраним Техас в чистоте!
7. Техас не место для грязных дел!

¹⁸ Там же.

Первый вариант по-своему неплох, но беда в том, что игра слов увела в сторону идеи высокого штрафа, а этой КРИ в ТО не было. Ну и на патриотический лозунг такая фраза уже не сможет претендовать. Варианты 2–5 передают только второй план смысла («не мешай», «не лезь»), который не имеет прямого отношения к борьбе за чистоту обочин, а вариант 6, напротив, передает только первый план, отчего теряется вся прелесть ТО. Вариант 7 – попытка совместить оба плана, однако это совмещение достигнуто ценой серьезных потерь КРИ. С «грязными делами» мусор на обочинах ассоциируется не очень хорошо, а вызывающе-шутливое предостережение как бы от лица молодого мужчины превратилось в назидательный окрик обеспокоенной мамыши.

Мы можем продолжить размышления и, не исключено, отыщем способ совместить нужные нам значения в русском языке, не нарушив требований к переводу. Но налицо текст с объективно пониженной переводимостью, так как в нем слишком много разнородной КРИ, требующей передачи одними и теми же средствами.

У переводчика в этом случае четыре пути. Первый: искать способ найти средства для полноценного перевода в ПЯ (что в данном случае гипотетически возможно, но даже гипотетически невозможно в других случаях, когда КРИ мотивирована, например, еще и визуально). Второй: развернуть «трехмерный» лозунг в эксплицитный «двухмерный» текст, дав, по сути, филологический комментарий. Третий: утратить в переводе важную КРИ (например, второй план). Наконец, четвертый: отцедить самую важную, но крайне ограниченную КРИ (шутливый лозунг, призывающей к чистоте и нацеленный на молодых техасцев-мужчин) и создать вариант

только на ее основе, например: «Давай-ка почище!»

Что получится во втором, третьем и четвертом случаях – плохой перевод или вообще не перевод (а, скажем создание нового текста под влиянием ТО), – вопрос дискуссионный. Но в любом случае говорить о полной переводимости будет невозможно.

Предложим – в первом приближении – классификацию текстов и их явлений по степени реальной или потенциальной переводимости/передаваемости. В следующей статье мы постараемся уточнить и обосновать эту классификацию при помощи данных эксперимента.

К **первой** категории отнесем тексты, переводимые в наибольшей степени. Чтобы их КРИ легко идентифицировалась и поддавалась последовательной, «двухмерной», дискретной передаче, эти тексты должны в качестве своей основной функции иметь сообщение ситуативной информации. Таковы, например, технические, научные и официально-деловые тексты.

Показательно, что во многих текстах такого рода вполне уместны пояснения, сноски и примечания, что позволяет сделать передачу КРИ еще более дискретной, а значит, удобной.

Во **второй** категории окажутся тексты с элементами непереводимости. Как мы отмечали выше, такие элементы возникают в результате скопления разнородной КРИ, требующей более или менее комплексной (недискретной) передачи и/или в результате неопределенности КРИ.

Потенциально непереводимость может возникнуть в любом тексте, не служащем исключительно для передачи ситуативной информации. На практике это, конечно, не означает, что любой ка-

Теоретические основы

ламбур, любая рифма и любое скрытое цитирование непередаваемы. Но они могут стать таковыми, если условия контекста добавляют коммуникативно релевантные ограничения.

Выскажем предположение, что, например, детективы, почти весь эффект которых зависит от сюжета, или философские эссе, в которых все решает рациональная аргументация, более переводимы, чем психологическая проза, а та, в свою очередь, более переводима, чем беллетристика, построенная на столкновении местных диалектов. Проза в целом окажется переводимее стихов, где коммуникативно релевантными становятся многие элементы формы. А скажем, эпическая, назидательная, философская и тому подобная поэзия окажется более переводимой, чем поэзия с элементами зауми, языковой игры, звукописи и т.п.

К **третьей** группе отнесем непередаваемые тексты и непередаваемые элементы. В случае с избыточностью КРИ к таким относятся тексты, содержание которых неразрывно связано с конкретной языковой формой, например: вербально-визуальные каламбуры в кино и мультфильмах, кроссворды, скороговорки и т.п. Зачастую возможно воссоздание схожего эффекта на ПЯ, однако в этом случае речь скорее будет идти о новом тексте, нежели о переводе.

В случае с неопределенностью КРИ речь идет о текстах, где нет консенсуса относительно того, что в них коммуникативно релевантно в первую очередь, или которые могут быть релевантными только на том языке, на котором они были созданы. Сюда относятся, например, заумные стихи и метаязыковые тексты вроде толковых словарей, учебников практической стилистики и т.п.

Нам представляется, что оба вида не-

переводимости в сущности сходятся и представляют собой разные проявления одного и того же феномена. Д. Спербер и Д. Уилсон пишут: «Стремясь к релевантности, говорящий вынужден строить предположения относительно когнитивных способностей слушателя и доступных ему контекстуальных ресурсов, что неизбежно отразится на характере коммуникации, и в особенности на том, что говорящий предпочтет выразить эксплицитно, а что – оставить имплицитным»¹⁹.

В ситуации перевода говорящим оказывается переводчик, которому необходимо, прикинув доступные реципиенту ТП сведения, отобрать для воспроизведения в переводе самое существенное из ТО. Но что если нужных для использования текста по назначению знаний у реципиента так мало, что эксплицитировать пришлось бы практически все?

Приведем пример вопроса и ответа с портала «Грамота.ру»:

Какие слова одушевлённые, а какие неодушевлённые: мертвец, труп, отряд, коллектив, отряд, личность?

Ответ справочной службы русского языка

Для того чтобы ответить на вопрос, поставьте слова в форму винительного падежа (*вижу кого? что?*). Если форма совпадает с формой именительного падежа, это существительное неодушевленное. Если с формой родительного падежа – одушевленное²⁰.

Представим себе попытку перевести этот фрагмент на английский язык. Сделать это, сохранив функциональный рисунок ТО, невозможно уже потому, что

¹⁹ D. Sperber, D. Wilson. Relevance: communication and cognition. – Oxford: Blackwell Publishing, 2002. – P. 218.

²⁰ <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%3F+%D1%87%D1%82%D0%BE%3F>

текст, объясняющий *носителям русского языка* особенности его употребления, немислим, если он предназначен носителям другого языка.

Ничего не получится, даже если предположить, что он мог бы помочь изучающим русский язык носителям английского. Если носителю английского (или любого другого нерусского) языка предложить поставить интересующее его слово во фразу «вижу кого? что?», это ему абсолютно ничем не поможет. Данное объяснение в ТО полезно тем, что помогает читателю использовать уже присутствующее у него, впитанное в процессе овладения родным языком знание (как верно сказать «вижу мертвеца», «вижу отряд» и т.д.) для установления грамматического атрибута одушевленности. Неноситель не обладает этим знанием, и с точки зрения практики ему скорее надо объяснить, как учесть атрибут одушевленности/неодушевленности, чтобы верно построить фразу типа «вижу кого? что?».

Разумеется, этот отрывок можно перевести так, что он окажется интересен, скажем, англоязычному лингвисту, изучающему грамматическое устройство языков, но функционально это будет уже другой текст; не перевод, а адаптация, переадресованная другим реципиентам.

Отсутствие реальной аудитории влечет за собой неопределенность КРИ. Что, например, важно в слове «мертвец»? В русском ТО важно само это слово, грамматически одушевленное, в отличие от слова «труп». По-английски можно передать тот же самый денотат, например, как *corpse* или *dead man*. Но в данной ситуации релевантен не столько денотат, сколько грамматическая категория, а в английском языке она фигурирует совсем иначе. Не решит пробле-

му и вариант вроде *mertvets*: скажем, не будет ясно, в чем загвоздка (что логически мертвое может грамматически быть одушевленным). А вслед за неопределенностью КРИ напрашивается вывод, что в таких случаях «важно всё»: и форма, и содержание; и смысл, и грамматика; и современный узус, и этимология.

В заключение этой статьи хотелось бы еще раз поспорить с мыслью о том, что всё, что может быть выражено языком, принципиально переводимо. На самом деле многие вещи, имеющие вполне лингвистическую природу, трудно даже пересказать, не то что перевести. Например, иногда коммуникативная ситуация (включающая в себя и экстралингвистические компоненты) складывается таким образом, что позволяет кому-то очень удачно пошутить одним-двумя словами. При этом такую шутку, даже если в тот момент она вызвала гомерический хохот, пересказывать часто бесполезно. Пришлось бы сперва долго описывать, кто что сказал, как себя вел и т.п. до момента шутки, и в результате спонтанный комический эффект будет утрачен. А без этих объяснений постороннему человеку юмор понятен не будет.

И это далеко не единственный пример того, что определенные мысли и чувства, вполне для нас отчетливые и, возможно, даже связанные с конкретными языковыми единицами, воспринимаются как невоспроизводимые (опять же, оговоримся, – без резкой смены функции, аудитории и/или способа представления информации).

В следующей статье мы постараемся на эмпирическом материале исследовать ряд явлений и факторов, препятствующих переводимости.